

Любовь подобна стихам. Одни строки согревают душу,
другие – разбивают сердце.

МЕЖДУ

СТРОК

КОЛИН
ГУВЕР

Дебютный роман от автора бестселлера ВСЕ ЗАКОНЧИТСЯ НА НАС.
Сенсация TikTok.

Колин Гувер

Между строк

Серия «Все твои совершенства.
Главные романы Колин Гувер»
Серия «Лейкен и Уилл», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73896442

Между строк:

ISBN 978-5-04-246803-2

Аннотация

После смерти отца восемнадцатилетняя Лейкен вместе с матерью и младшим братом переезжает в Мичиган. Девушка кажется сильной, становится опорой для семьи, но в душе переживает шторм.

Все меняется, когда Лейкен знакомится с Уиллом – добрым и привлекательным соседом. Между героями сразу возникает симпатия, и их первое свидание дает обоим надежду на новую счастливую главу.

Но реальность оказывается жестокой. И теперь единственное, что осталось у Лейкен и Уилла, это поэзия, в которой их любовь друг к другу – всегда между строк.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Колин Гувер

Между строк

Посвящается «Братьям Эйвитт». Их песни помогли мне «решить, каким человеком быть, и быть им».

© Романова Е., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2026

Часть 1

Глава 1

*Мое «я» сбилось с пути.
Поможешь мне его найти?
«Братья Эйвитт». «Салайна»¹*

Мы с Келом ставим последние две коробки в арендованный фургон, я опускаю дверь и запираю на задвижку восемнадцать лет воспоминаний, каждое из которых неразрывно связано с папой.

Прошло полгода с тех пор, как его не стало. Срок вроде бы немалый: мой девятилетний брат Кел уже не заливается слезами при каждом упоминании об отце. И все же пока наша семья не сумела справиться с финансовыми последствиями потери кормильца. Жизнь в родном Техасе – другого дома я никогда не знала – больше нам не по карману.

– Лейк, ну же, не будь такой пессимисткой, – говорит мама, вручая мне ключи от дома. – Тебе ужасно понравится Мичиган, вот увидишь!

Она никогда не называет меня полным именем. Все девять месяцев беременности они с отцом спорили, как меня

¹ Песня «Salina» группы «The Avett Brothers».

назвать. Маме нравилось имя Лейла – как в песне Эрика Клэптона, а папа настаивал на Кеннеди – в честь Кеннеди. «Любого Кеннеди, – говорил он. – Я их всех обожаю».

На третий день после моего рождения их вынудили определиться, и они пошли на компромисс: взяли первые слоги от обоих имен и соединили. По документам я стала Лейкен, но никто никогда так меня не называл.

– Мам, ну же, не будь такой оптимисткой! – передразниваю я ее. – Мне ужасно не понравится Мичиган, вот увидишь!

У мамы есть особый дар: один малюсенький взгляд на тебя бросит, а уже кажется, что целую лекцию прочитала. Сейчас этот красноречивый взгляд достается мне.

Поднимаюсь на крыльцо и напоследок еще раз обхожу дом, прежде чем навсегда запереть дверь. Все комнаты опустели. Выглядит жутковато. Не верится, что я иду по дому, в котором родилась и выросла. Последние полгода нас крутит в вихре совершенно неожиданных – и исключительно скверных – эмоций. Переезд был неизбежен, я понимаю. Просто я надеялась, что хотя бы школу успею окончить.

Заглянув в теперь уже бывшую кухню, я вдруг замечаю на полу под навесным шкафчиком, там, где раньше стоял холодильник, пластмассовую фиолетовую заколку. Подбираю, стираю с нее пыль и верчу в руках, сгибая и вновь разгибая.

В голове звучит папин голос: «Отрастет твоя челка!»

Мне было пять, когда мама случайно забыла на столешни-

це в ванной парикмахерские ножницы. И я, конечно, сделала то, что делают в этом возрасте почти все дети: подстригла себе челку.

«Мама будет злиться!» – безутешно рыдала я. Почему-то мне казалось, что если я сама себя постригу, то волосы немедленно отрастут и никто ничего не заметит. Я отхватила добрую треть челки и села к зеркалу. Просидела так больше часа: волосы не росли. Подобрал с пола прямые каштановые пряди, я стала вертеть их в руках и соображать, как приделать их обратно к голове, но ничего не придумала и зарыдала в голос.

Папа вошел в ванную, увидел, что я наделала, со смехом подхватил меня на руки и усадил на столешницу. Потом достал что-то из шкафчика. «Смотри, как раз на такой случай я припас для тебя одну волшебную штуку», – сказал он и раскрыл ладонь. Там лежала фиолетовая заколка. «Пока ты ее носишь, мама ничего не заметит! – Он зачесал мою бедную челку набок, заколол и развернул меня к зеркалу. – Ну, видишь? Как новенькая!»

Я изумленно глядела в зеркало, не веря своему счастью. Еще бы, мне ведь страшно повезло: мой папа – волшебник!

Ту заколку я проносила, не снимая, ровно два месяца, и мама в самом деле ничего не заметила. Теперь-то я, конечно, понимаю, что папа наверняка рассказал ей о моей выходке. Но в свои пять я еще твердо верила в волшебство.

Внешне я больше похожа на маму, чем на отца. Мы обе

среднего роста. В мои джинсы она уже не влезает – все же двоих родила, – зато остальными вещами мы запросто меняемся. У обеих каштановые волосы, прямые в сухую погоду и волнистые в дождь. У мамы глаза более изумрудного оттенка, чем мои, хотя, возможно, они кажутся ярче из-за более светлой кожи.

В остальном я пошла в папу. У нас одинаковый характер, одинаковый сухой юмор, одинаковые музыкальные предпочтения, даже смех одинаковый. Кел – совсем другая история. Он унаследовал папины светло-русые волосы и мягкие черты лица. Для своих девяти он, пожалуй, мелковат, зато все недостающее с лихвой компенсирует харизмой.

Я подхожу к мойке и сую заколку под струю воды, смывая с нее скопившуюся за тринадцать лет грязь. Когда я вытираю ее насухо полотенцем, на кухню, пятясь, заходит Кел. Он странный ребенок, но я души в нем не чаю. Раз в месяц он придумал устраивать себе «День наоборот»: ходит и говорит задом наперед, а обед и ужин начинает со сладкого. Должно быть, так сказывается большая разница в возрасте между нами и отсутствие других братьев и сестер: надо же ребенку как-то развлекаться.

– Поторопиться тебе велит мама, Лейкен, – говорит он, коверкая порядок слов.

Я прячу заколку в карман джинсов, выхожу из дома и в последний раз запираю за собой дверь.

Следующие несколько дней мы проводим в дороге. Я за рулем своего джипа, мама – за рулем арендованного грузового фургона фирмы «Ю-хол». Время от времени мы меняемся. Дважды ночуем в придорожных гостиницах. Кел едет то со мной, то с мамой; последний утомительный девятичасовой перегон с одной-единственной остановкой посередине проводит со мной в фургоне. Когда мы подъезжаем к нашему городку – Ипсиланти, – я начинаю осматриваться и обращаю внимание на тот факт, что на дворе сентябрь, а у меня уже всюю шпарит печка. Похоже, придется обновить гардероб.

Наконец я сворачиваю направо, на нашу новую улицу, и навигатор бодро сообщает, что мы «у цели».

– Тоже мне «цель»! – смеюсь я. – Что ты знаешь о моих целях, навигатор?

По обе стороны от короткой улочки, заканчивающейся тупиком, выстроилось около восьми кирпичных одноэтажных домов. В одном из дворов я замечаю баскетбольное кольцо – есть надежда, что Келу будет с кем поиграть. Да и вообще район выглядит прилично. Газоны аккуратно подстрижены, тротуары чистые. Вот только бетона многовато. Нет: его *очень* много. Меня уже тянет обратно.

Новый хозяин скидывал нам по почте фотографии дома, поэтому я замечаю его издалека. Он маленький. То есть *очень* маленький. В Техасе у нас был дом-ранчо и несколько акров земли. А крошечный участок вокруг этого домика почти целиком занят бетонными дорожками и садовыми

гномами. Входная дверь распахнута настежь, а на крыльце стоит, помахивая рукой, пожилой мужчина – очевидно, наш новый хозяин.

Я проезжаю мимо, чтобы потом сдать задом и поставить грузовик дверями к входу. Прежде чем включить заднюю передачу, трясую Кела за плечо: он дрых с самой Индианы.

– Кел, просыпайся, – шепчу я. – Мы *у цели!*

Он потягивается, зеваает и, прижавшись лбом к стеклу, смотрит на наш новый дом.

– О, во дворе какой-то мальчик! Он будет жить с нами?

– Надеюсь, что нет, – отвечаю я. – Сосед, наверное. Иди познакомься, пока я тут паркуюсь.

Заехав во двор, я перевожу коробку в режим паркинга, опускаю стекла и глушу двигатель. Мама на моем джипе тоже подъезжает к дому и выходит поздороваться с хозяином. Я немного сползаю вниз по сиденью и упираюсь ногой в приборную доску, наблюдая, как Кел и его новый приятель быются на воображаемых мечах. Завидую брату: он легко смирился с переездом, а я никак не выйду из роли обиженного ребенка.

Вообще-то поначалу, узнав о решении мамы перебраться в Мичиган, он тоже расстроился. В основном из-за того, что ему пришлось уйти из Малой лиги посреди игрового сезона. Друзья у Кела тоже были, но будем честны: лучший друг девятилетнего мальчика – обычно воображаемый и живет за океаном. Мама легко уломала Кела, пообещав на новом ме-

сте отдать его в хоккей – об этом он мечтал еще в Техасе, только на сельском юге с хоккейными командами туговато. Получив согласие мамы, Кел повеселел и стал чуть ли не с нетерпением ждать переезда.

Конечно, я понимаю, почему нам пришлось уехать. Папа был директором магазина красок и неплохо зарабатывал. Мама при необходимости брала смены в местной больнице, когда там требовались дополнительные медсестры, однако в основном занималась домом и нами. Примерно через месяц после смерти отца она смогла устроиться на полноценную работу. Я видела, что маме нелегко: папина смерть – и вдобавок новая роль главы семьи – оказались для нее очень серьезным испытанием.

Однажды за ужином она объяснила нам, что ее заработка не хватает на оплату всех счетов и ипотеки. Старая школьная подруга Бренда предложила ей место получше, но в другом городе – в мамином родном городке Ипсиланти под Детройтом, где она родилась и выросла. Платить обещают достойно, куда больше, чем на любой другой работе в Техасе, поэтому она вынуждена согласиться. Я действительно ее понимаю. Бабушка с дедушкой давно умерли, и помощи нам ждать неоткуда. К сожалению, от понимания ситуации мне не легче.

– Лейкен, умри! – кричит Кел в открытое окно грузовика, вонзая мне в шею воображаемый меч; я должна рухнуть на землю, но ограничиваюсь закатыванием глаз. – Я тебя пронзил!

Умирай!

– Я и так практически труп, – ворчу я, выбираясь из кабины.

Кел, понурившись, опускает глаза на свой воображаемый меч, волочащийся по бетону. У его нового приятеля вид не лучше. Пожалев, что сорвалась на детях, я решаю исправить положение.

– Я не просто труп, – рычу я самым жутким-прежутким голосом, – я зомби!

Вытянув руки перед собой, я склоняю голову набок и ковыляю к мальчикам. Те с визгом бросаются наутек.

– Мозги! – булькаю я. – Мне нужны ваши мозги-и-и!

Обогнув таким манером грузовик, я вдруг замечаю, что кто-то поймал обоих сорванцов за шкурки и несет ко мне.

– Поймал! – вопит незнакомец, показывая добычу.

Он на пару лет старше меня и гораздо выше. «Красавчик» – так его описали бы на моем месте большинство девочек. Малыши изо всех сил сучат руками и ногами, но хватка у незнакомца крепкая: мышцы так и перекатываются под футболкой.

Если мы с Келом внешне совершенно разные, то эти двое – явно братья. При немалой разнице в возрасте они похожи друг на друга как две капли воды. Гладкая смуглая кожа, иссиня-черные волосы, одинаковые короткие стрижки. Кел наконец вырывается из хватки незнакомца и начинает рубить его воображаемым мечом, а потом оборачивается ко

мне с беззвучным призывом на губах: «Помоги!» Только тут до меня доходит, что я до сих пор стою в позе зомби.

Первое желание: забраться в кабину и до конца дней прятаться там под ковриком. Вместо этого я с криком: «Мозги-и!» набрасываюсь на младшего из ребят и делаю вид, что пытаюсь откусить ему макушку. Потом хватаю обоих и щекочу до тех пор, пока они не валятся от смеха на бетонную подъездную дорожку.

Наконец я встаю. Старший брат уже приветливо тянет мне руку.

– Привет, я Уилл. Мы живем вон там. – Он указывает на дом напротив.

Я жму ему руку и оглядываюсь на свое новое жилище.

– Я Лейкен. Судя по всему, мы теперь живем здесь.

Он улыбается, по-прежнему держа меня за руку. Оба молчим. Терпеть не могу такие неловкие моменты.

– Ну, добро пожаловать в Ипсиланти! – Он наконец прячет руку в карман. – Откуда переехали?

– Из Техаса?

Не представляю, откуда взялась эта вопросительная интонация в конце моего ответа. И зачем я вообще пытаюсь анализировать свою попытку это проанализировать... Бред какой-то. Недосып и усталость не прошли для меня даром.

– Ого, правда?

Он покачивается туда-сюда на пятках, не зная, что еще сказать. Я не в состоянии выдать ни слова, и от этого

неловкость момента только усиливается. Наконец Уилл наклоняется к младшему брату и, схватив его за щиколотки, непринужденно закидывает себе на плечи.

– Ладно, мне пора везти эту мелочь в школу. Вечером будет похолодание, так что советую разгрузиться по максимуму. Если понадобится помощь, могу прийти потаскать вещи. Мы вернемся где-то к четырем.

– Ага, спасибо большое.

Они переходят улицу, и я все еще провожаю их взглядом, когда Кел втыкает меч мне в поясницу, пронзая меня насквозь. Падаю на колени, схватившись за живот, потом пытаюсь отползти, но Кел забирается на меня верхом и добивает. Перед «смертью» я украдкой бросаю взгляд через дорогу и вижу, что Уилл за нами наблюдает. Усадив брата в машину, он подходит к водительской двери и еще раз машет нам на прощание.

На разгрузку фургона уходит большая часть дня. Самые тяжелые вещи, которые нам с мамой вдвоем не поднять, помогает перетащить хозяин. Выбившись из сил, мы принимаем единодушное решение оставить джип на завтра. Гляжу на опустевший кузов «Ю-Хола» не без грусти: эх, теперь у меня нет уважительного повода позвать на помощь Уилла.

Когда моя кровать собрана, я принимаюсь таскать из коридора в комнату коробки с пометкой «Лейкен». Распаковав большую их часть и застелив постель, я замечаю, что мебель

в спальне уже отбрасывает длинные тени. Выглядываю в окно: солнце вот-вот сядет. Или дни здесь существенно короче, или я потеряла счет времени.

На кухне мама и Кел расставляют посуду и утварь по шкафчикам. Залезаю на один из шести высоких табуретов у барной стойки и по совместительству обеденного стола (полноценной столовой здесь нет). Дом у нас и впрямь не бог весть что. Сразу за входной дверью маленькая прихожая, переходящая в гостиную. От кухни ее отделяет только узкий коридор слева и окно справа. На полу лежит бежевый ковер, а во всех остальных комнатах – просто паркет.

– Здесь так чисто, – говорит мама, продолжая расставлять посуду. – Ни одной букашки еще не видела!

В Техасе все кишит насекомыми. Ни дня не проходит без убийства мухи или осы.

– На этом плюсы Мичигана, похоже, заканчиваются, – отвечаю я, открывая коробку с пищей и изучая ассортимент.

– Неужели? – подмигивает мне мама, беря из коробки кусок пепперони и отправляя его в рот. – А я думала, есть еще по крайней мере *один* плюс.

Делаю вид, что не понимаю, на что она намекает.

– Я видела, как ты с утра болтала с соседским парнем, – с улыбкой произносит она.

– Ой, я тебя умоляю! – как можно непринужденнее отмахиваюсь я. – Совершенно уверена, что Техас – не единственный штат, где обитают человеческие особи мужского пола.

Иду к холодильнику и беру банку содовой.

– Что значит «убивают»? – спрашивает Кел.

– Обитают, – поправляю его я. – «Обитать» значит «насе-
лять, водиться, селиться, пребывать», словом, «жить»!

Есть все же толк от курсов подготовки к итоговым экза-
менам, думаю я.

– А, понял! Это как мы теперь убиваем в Ипсиланти? –
спрашивает Кел.

– Обитаем, – поправляю я его во второй раз и запиваю
содовой кусок пиццы. – Ладно, ребятки, я без сил. Пойду
спать.

– Будешь *обитать* в своей комнате?

– Ты все схватываешь на лету, кузнечик.

Целую его в макушку и ретируюсь к себе.

Как же приятно наконец забраться под одеяло! Ладно хоть
кровать знакомая, и на том спасибо. Закрываю глаза и пыта-
юсь представить, что я в своей старой спальне. В своей ста-
рой и *теплой* спальне. Здесь матрас и подушка просто ледя-
ные. Накрываюсь с головой, чтобы хоть немного согреться.
Делаю себе мысленную заметку: с утра первым делом обна-
ружить в доме регулятор температуры.

Наутро эта мысль приходит мне первой, как только я вы-
бираюсь из-под одеяла и ставлю ноги на ледяной пол. Достаяю
из шкафа свитер и, натянув его прямо на пижаму, тщетно
ищу в комодке носки. Затем на цыпочках крадусь по коридо-

ру – чтобы никого не разбудить и в то же время свести к минимуму площадь соприкосновения голых стоп с холодным паркетом. Проходя мимо комнаты Кела, я замечаю на полу его тапочки с Дартом Вейдером. Тихонько подхожу к кровати, влезая в тапки и с облегчением направляюсь на кухню.

Там я первым делом ищу кофеварку. Ее нет. Осталась в джипе! Джип, увы, на улице. А там жуткий, просто зубодробительный холод...

Курток в прихожей тоже нет. В это время года в Техасе еще не ходят в куртках. Схватив с полки ключи от машины, я набираюсь храбрости для смертельного броска к джипу, распахиваю дверь... и обнаруживаю, что весь двор засыпан чем-то белым... До меня не сразу доходит, что это. Снег?! В сентябре?.. Нагибаюсь, беру немного снега в ладонь и внимательно его изучаю. В Техасе вообще редко идет снег, а *такого* не бывает вовсе. Там с неба летят не снежинки, а крошечные твердые градинки. Мичиганский снег прямо как из сказки: мягкий, пушистый и *холодный!* Я быстро стряхиваю его с ладони, вытираю руку о штаны и устремляюсь к джипу.

Впрочем, далеко уйти мне не удастся. Как только дартвейдеровские тапки встречаются с припорошенным бетоном, джип моментально уходит из виду. Я лежу на спине и смотрю на ясное голубое небо. Правое плечо простреливает резкая боль: похоже, я упала на что-то твердое. Пошарив левой рукой по земле, я вытаскиваю из-под себя бетонного садового гномика с отбитым красным колпаком. Тварь зло-

радно ухмыляется. Я со стоном замахиваюсь, чтобы отшвырнуть ее подальше, но меня останавливают.

– Это ты зря!

Голос Уилла я узнаю сразу. Мягкий, успокаивающий, как у папы, и в то же время с властными нотками. Я резко сажусь и вижу, что он уже спешит ко мне по дорожке.

– Ты как? – со смехом спрашивает Уилл.

– Нормально. Хотя мне станет гораздо лучше, когда я разобью к чертям эту штуковину! – отвечаю я, безуспешно пытаюсь встать на ноги.

– Не стоит. Гномы приносят удачу, – говорит Уилл, протягивая мне руки. Сперва он забирает у меня гнома и бережно ставит его на заснеженную лужайку.

– Ну-ну, – цежу я, осматривая свое раненое плечо: на рукаве свитера уже выступило красное пятнышко.

– О господи, прости, пожалуйста! – Уилл перестает смеяться, увидев кровь. – Я не знал, что ты так сильно ушиблась, иначе не стал бы шутить. – Он берет меня за здоровую руку и помогает подняться. – Надо заклеить пластырем.

– Если честно, пока я не имею ни малейшего представления, где аптечка, – говорю я, вспоминая груды нераспакованных коробок в коридоре.

– Пойдем, у нас на кухне точно что-нибудь найдется.

Он снимает куртку, накидывает ее мне на плечи и за руку ведет меня через дорогу к своему дому. Чувствую себя немного жалкой – зачем мне его помощь? Сама прекрасно

дойду. Впрочем, я все-таки не возражаю и от этого прямо чувствую на себе гнев всех феминисток мира. Тоже мне, дева в беде! Без прекрасного принца никуда?..

Снимаю куртку, кладу ее на спинку дивана в гостиной и иду за Уиллом на кухню. В доме еще темно – видимо, все спят. Сам дом попросторней нашего. Планировка похожая, но комнаты кажутся немного шире. В гостиной есть большое эркерное окно с мягким подоконником и подушками. Оно выходит на задний двор.

На стене напротив кухни висит несколько семейных фотографий. На них запечатлены в основном Уилл и его младший брат, но есть и несколько фото с родителями. Пока Уилл ищет лейкопластырь, я их изучаю. Похоже, сыновья пошли в отца. На одном из снимков – видимо, самом свежем, но все равно сделанном несколько лет назад, – отец крепко обнимает двух мальчиков за плечи. В его иссиня-черных волосах уже видна проседь, а широкая улыбка тонет в густых черных усах. Он очень похож на Уилла: те же черты лица, те же безупречные белые зубы и лучистые глаза.

Мама Уилла – настоящая красавица. Высокая (по крайней мере, так кажется на фото), с длинными светлыми волосами. Внешне мальчики совсем ничего от нее не унаследовали. Возможно, Уиллу достался ее характер. Глядя на фотографии, я понимаю: это настоящий дом, не то что наш.

Прохожу на кухню и сажусь за стойку.

– Надо сперва промыть ранку, а потом уже клеить пла-

стырь, – говорит Уилл, закатывая рукава и включая воду.

В ярком искусственном освещении сквозь тонкую ткань его светло-желтой рубашки видна нижняя майка. Обращаю внимание на его широкие плечи и бицепсы, туго обтянутые рукавами. Лбом Уилл прислоняется к навесному шкафчику; поскольку кухни у нас одинаковые, можно предположить, что он дюймов на шесть меня выше. Пока я рассматриваю узорчатый черный галстук, который он перекинул через плечо, чтобы не намочить, Уилл выключает воду и идет ко мне с мокрой салфеткой. Покраснев, я выхватываю салфетку у него из рук, смущенная тем, как бесстыдно только что глазела на его тело.

– Спасибо, – говорю я, спуская рукав с плеча. – Я сама.

Пока я вытираю кровь, он открывает пластырь.

– Интересно, что ты делала на улице в семь утра в одной пижаме? Вы еще не разгрузились?

Мотаю головой и кидаю салфетку в мусор.

– Кофе искала.

– Ясно. Ты, стало быть, не жаворонок. – Это не вопрос, скорее утверждение.

Когда он подходит, чтобы наклеить пластырь, я чувствую на шее его дыхание и растираю свои руки, чтобы по ним не побежали мурашки. Уилл приклеивает пластырь и аккуратно разглаживает.

– Вот и готово. Как новенькая!

– Спасибо. И я, кстати, жаворонок. Когда кофе выпью.

Я делаю вид, что осматриваю пластырь, а сама лихорадочно соображаю, что делать дальше. Поблагодарить его я уже поблагодарила. По идее, можно бы развернуться и уйти, но это будет невежливо. Он все-таки мне помог. А если просто стоять и ждать, когда он заведет со мной светскую беседу, рискну показаться дурой. С какой стати я вообще придаю столько значения тому, что обо мне подумает Уилл? Он просто сосед! Еще один «обитатель» Ипсиланти, не более того.

Когда я оборачиваюсь, он уже наливает мне кофе. Затем подходит и ставит передо мной чашку.

– Сливки, сахар?

Мотаю головой.

– Просто черный, спасибо.

Пока я пью кофе, Уилл стоит напротив и смотрит. Глаза у него темно-зеленые, как у мамы, – значит, что-то он все-таки от нее унаследовал.

– Ладно, я поехал. Брат уже ждет в машине, а мне пора на работу. Я тебя провожу. Кружку оставь себе.

Смотрю на кружку и только тут замечаю крупную надпись на боку: «Лучший в мире папа». Мой отец пил кофе из точно такой же кружки.

– Спасибо, я дойду сама, – говорю я, направляясь к входной двери. – Вроде бы с прямохождением наконец разобралась.

Он выходит из дома следом за мной и запирает дверь, настояв, чтобы я пошла в его куртке. Я накидываю ее на плечи,

еще раз благодарю и перехожу дорогу.

– Лейкен! – кричит Уилл мне вслед, когда я уже собираюсь войти в дом.

Оборачиваюсь: он все еще стоит на своей подъездной дорожке.

– Да пребудет с тобой сила! – со смехом восклицает он и запрыгивает в машину.

Сконфуженно опускаю глаза на свои тапочки с Дартом Вейдером. Ну да... я в своем репертуаре.

Кофе помог. Я нашла регулятор температуры, и к обеду дом наконец начал прогреваться. Мама с Келом поехали в компанию, предоставляющую коммунальные услуги, чтобы переписать все на мамино имя, а я осталась разбирать последние коробки (если не считать тех, что до сих пор лежат в джипе). Распаковав часть вещей, я вспоминаю про душ. Самое время его принять, а то сегодня уже третий день, как я хожу замарашкой.

После душа заворачиваюсь в полотенце и, наклонив голову вперед, расчесываю и сушу волосы феном. Потом направляю фен на запотевшее зеркало, чтобы очистить от пара маленький кружок и слегка накраситься. Так, загар уже потихоньку начинает сходить. Похоже, в этих краях позагорать осенью уже не получится: лучше сразу привыкнуть к своей бледности.

Причесавшись, я собираю волосы в хвост, подкрашиваю

ресницы и наносишь блеск для губ. Без румян вполне можно обойтись: от погоды и пары встреч с Уиллом щеки у меня и так красные.

Пока я была в душе, мама с Келом вернулись и уехали опять. На столе записка: подруга Бренда повезла их в город возвращать арендованный фургон. Рядом с ключами и списком продуктов лежат три двадцатки. Я беру их и иду к машине. На сей раз добираюсь до нее без приключений.

Включая заднюю передачу, я вдруг осознаю, что понятия не имею, куда ехать. Налево или направо? Совершенно не ориентируюсь в этом городе. Заметив во дворе младшего брата Уилла, я паркуюсь у тротуара и опускаю стекло.

– Привет! Можно тебя на минутку? – кричу ему.

Он как-то подозрительно на меня смотрит. Боится, что я опять перевоплощусь в зомби? Наконец он все же делает пару шагов в мою сторону, но в трех футах от машины останавливается.

– Как добраться до ближайшего продуктового?

Он закатывает глаза.

– Серьезно? Мне девять!

Ага. Значит, сходство с братом у него чисто внешнее.

– Что ж, и на том спасибо. Кстати, как тебя зовут?

Расплывшись в озорной улыбке, он выкрикивает: «Дарт Вейдер!» и бросается наутек.

Дарт Вейдер? Я обдумываю его ответ. Хорошо, допустим, он сострил на тему тапочек, в которых я с утра пораньше

заявилась к ним домой. Казалось бы, ничего удивительного. Но откуда он мог о них узнать? Получается, Уилл ему про меня рассказал? Невольно пытаюсь представить беседу между братьями и гадаю, что Уилл обо мне думает. Если вообще думает. Я почему-то думаю о нем куда больше, чем следует. Сколько ему лет, на кого он учится, есть ли у него девушка?..

У меня-то, к счастью, парня нет. Последний год я ни с кем не встречалась. Учеба, подработка, развозка Кела по кружкам... При таком напряженном графике не до свиданий. Теперь придется привыкать к новой жизни: если там у меня не было ни минуты свободного времени, то здесь, похоже, все мое время будет свободным.

Достаю из бардачка навигатор и тут слышу голос Уилла:

– Это ты зря.

Он идет от дома к моей машине, а я, изо всех сил сдерживая счастливую улыбку, в которой норовит расплыться мое лицо, спрашиваю:

– Зря что?

Сама тем временем врубаю навигатор и помещаю его в держатель.

Уилл, скрестив руки на груди, заглядывает в салон.

– Зря включаешь навигатор. У нас в последнее время много строек и дорожных работ. С этой штукой точно заблудишься.

Я уже собираюсь ему ответить, когда к дому подъезжают Бренда с мамой. Бренда опускает стекло со стороны водите-

ля, и мама, перегнувшись через нее, просит меня:

– Купи, пожалуйста, стиральный порошок! Не помню, добавила ли его в список. И сироп от кашля. Я приболела.

Кел выскакивает из машины и, подбежав к брату Уилла, приглашает его в гости.

– Можно? – спрашивает тот у Уилла.

– Конечно, – отвечает он. – А я пока съезжу с Лейкен в магазин, Колдер. Скоро вернусь.

Неужели? Я бросаю на него изумленный взгляд, но Уиллу хоть бы что: он уже пристегивается.

– Знаешь, я так непонятно объясняю дорогу... Лучше сам с тобой съезжу, ты не против?

– Да нет, – смеюсь я.

Кошусь на маму с Брендой. Те уже паркуются в нашем дворе и на нас даже не смотрят. Я трогаюсь с места и, следуя указаниям Уилла, выезжаю из квартала.

– Так твоего младшего братишку зовут Колдер? – спрашиваю я, чтобы завязать разговор.

– О да. Колдер, единственный и неповторимый. Родители много лет пытались завести второго ребенка, и наконец родился он. К этому времени Уилл и подобные имена давно вышли из моды.

– А мне нравится твое имя, – говорю я и тут же жалею о сказанном: очень похоже на дурацкий подкат.

Уилл смеется. Мне нравится его смех. И это дико меня злит.

Тут я вздрагиваю: Уилл смахивает волосы с моего плеча, запускает пальцы под воротник футболки и чуть оттягивает его в сторону.

– Надо поменять пластырь, – говорит он, похлопывая меня по плечу; от его прикосновений по моей шее мгновенно разливается жар.

– Напомни, чтобы я купила в магазине, – отзываюсь я, делая вид, что ни его действия, ни его присутствие не оказывают на меня ни малейшего влияния.

– Итак, Лейкен. – Он медлит, косясь на грудку коробок, сваленных на заднем сиденье. – Расскажи о себе.

– Ну нет. Это слишком банально.

Уилл смеется.

– Ладно. Тогда я сам все выясню.

Он подается вперед и нажимает на магнитоле кнопку извлечения диска. Движения у него плавные, словно он оттачивал их годами. Даже завидно: сама я никогда не отличалась грацией.

– Знаешь, о человеке много можно узнать по его музыкальным пристрастиям. – Он берет в руки диск и, изучив его, со смехом восклицает: – «Всякая хрень Лейкен»! Интересно, в словосочетании «хрень Лейкен» слово «Лейкен» – это дополнение или определение?

– Просто я не люблю, когда Кел без спросу берет мои вещи, ясно? – Выхватываю у него диск и засовываю обратно в проигрыватель.

Тут же из колонок на полной громкости начинают литься звуки банджо, а я опять краснею. Да, я родом из Техаса, но это не значит, что мне обязательно нравится кантри. Вот уж по чему я точно не буду скучать в Мичигане, так это по кантри. Хочу убавить громкость, но Уилл хватает меня за руку.

– Нет-нет, прибавь обратно. Знаю эту песню, – говорит он, не отнимая руки.

Прибавляю. Да не может он знать эту песню! Блефует. Очередной дурацкий подкат, на сей раз с его стороны.

– Неужели? – пытаюсь подловить его я. – И как она называется?

– Поют «Братья Эйвитт», я ее называю «Габриэла», а вообще это песня из их цикла про красоток – «Красотка из Чили» вроде бы. Там в конце очень круто и неожиданно вступают электрогитары.

Я ошарашена. Он в самом деле знает эту песню!

– Тебе нравятся «Братья Эйвитт»?

– Обожаю их. В прошлом году они давали концерт в Детройте. Просто лучший концерт в моей жизни, честное слово.

Тело насквозь пробивает волна адреналина. Я опускаю глаза: его рука по-прежнему лежит на моей, а моя все еще сжимает регулятор громкости. Приятно. Прямо бесит, насколько приятно. Вообще-то я и раньше влюблялась в парней – до мурашек, до бабочек в животе, – но на такие дешевые приемы я обычно не ведуся.

Заметив мой взгляд, Уилл наконец отпускает мою руку и

вытирает ладонь о джинсы. Жест как будто выдает его неуверенность... Неужели ему тоже неловко?

Музыка, которую я слушаю, далека от мейнстрима, потому я крайне редко встречаю людей, которые знают хотя бы половину моих любимых групп. «Братья Эйвитт» – моя любовь на все времена.

Мы с отцом часто засиживались по ночам с гитарой: он подбирал аккорды к их песням, и мы вместе пели. Однажды папа очень метко охарактеризовал их музыку. Он сказал: «Настоящий талант – это когда из множества несовершенств рождается совершенство».

Я поняла, что он имел в виду, только когда начала слушать «Братьев Эйвитт» по-настоящему. В их песнях рвутся струны банджо, сбивается мелодия, мягкий голос вокалиста вдруг сипнет и в том же куплете срывается на крик. Все это добавляет музыке веса, характера и жизненности.

После смерти отца мама передала мне его подарок на грядущее восемнадцатилетие: два билета на концерт «Братьев Эйвитт». Я расплакалась: папе, наверное, не терпелось самому их вручить. Конечно, он хотел бы, чтобы я сходила на концерт даже без него, но я так и не смогла себя заставить. С его смерти прошло всего несколько недель, и я не получила бы от любимой музыки никакого удовольствия, потому что все время думала бы о папе. О том, как здорово было бы пойти на концерт вместе с ним.

– Я тоже их обожаю, – нерешительно говорю я.

– Живьем когда-нибудь слышала?

И тут, сама не знаю почему, я рассказываю Уиллу об отце. Вся нашу историю, без утайки. Он слушает очень внимательно и перебивает лишь для того, чтобы предупредить о следующем повороте. Я рассказываю о нашей общей страсти к музыке. О папиной неожиданной смерти от сердечного приступа. О его подарке на день рождения и о концерте, на который мы так и не попали. Сама не понимаю, что со мной творится: вообще-то я не склонна изливать душу малознакомым людям. Тем более парням. Спыхватываюсь я только тогда, когда паркуюсь на стоянке у супермаркета.

– Ой, – вырывается у меня, когда я опускаю глаза на часы. – А это точно был самый короткий путь? Мы двадцать минут сюда ехали!

– Не-а, не самый.

Уилл подмигивает и открывает дверь.

Так. Теперь он определенно со мной заигрывает. И у меня в животе определенно порхают бабочки.

Снег успевает смениться дождем, пока мы идем по парковке.

– Бежим! – кричит Уилл, хватая меня за руку и увлекая за собой к входу.

Мы оба вваливаемся в магазин, задыхаясь от смеха, и стряхиваем воду с одежды. Я скидываю куртку и трясу ее, когда Уилл вдруг кладет руку мне на щеку и убирает с моего лица прилипшую прядь. Рука ледяная, но я не чувствую хо-

лода, потому что от прикосновения Уилла щеки у меня тут же вспыхивают. Он перестает улыбаться; мы долго смотрим друг другу в глаза. Я все не могу привыкнуть к тому, как мое тело реагирует на его близость: малейшие прикосновения и жесты будят во мне совершенно неожиданные чувства.

Кашлянув, я опускаю глаза и хватаю ближайшую тележку. Вручаю Уиллу список покупок.

– И часто здесь в сентябре идет снег? – как можно невозмутимей спрашиваю я.

– Не волнуйся, это ненадолго. Пару дней будет идти, от силы неделю. Обычно раньше октября снег не выпадает. Тебе повезло.

– Повезло?!

– Да. Такие резкие похолодания здесь – редкость. Вовремя вы приехали.

– Угу. А я думала, местные, поди, снег ненавидят.

Уилл смеется.

– Поди?

– А что?

– Ничего. Просто я никогда раньше не слышал, чтобы кто-то так говорил. Очень мило. Ты настоящая южанка!

– Ах, простите. Отныне буду жеманничать, как настоящие янки, и вместо «поди» говорить «по всей вероятности».

– Нет-нет. – Он со смехом толкает меня в плечо. – Мне нравится, как ты говоришь. Честное слово!

Сама себе не верю: я превращаюсь в девчонку, способную

по уши втрескаться в парня с первого взгляда. Это ужасно. Ловлю себя на том, что внимательно рассматриваю его лицо в поисках изъянов. И ни одного не нахожу. Катастрофа! В моих глазах Уилл – абсолютное совершенство.

Собрав в тележку все продукты из списка, мы направляемся к кассе. Уилл не позволяет мне самой выложить покупки на ленту, и в результате я просто стою и смотрю, как это делает он. В самом конце Уилл кладет упаковку лейкопластырей. А я даже не заметила, как он взял их с полки.

На выезде с парковки Уилл велит мне повернуть не туда, откуда мы приехали, а в противоположном направлении. Проехав пару кварталов, мы сворачиваем налево – на нашу улицу. Дорога до супермаркета заняла двадцать минут, а обратно мы домчали меньше чем за минуту.

– Мило, – говорю я, заехав во двор.

До меня наконец дошло, что Уилл сделал это нарочно. Выходит, заигрывает, никаких сомнений.

Он уже обошел мой джип сзади, поэтому я открываю кнопкой багажник и выхожу из машины, ожидая увидеть его с пакетами в руках, но нет: он стоит, положив руку на дверцу багажника, и молча смотрит на меня.

Изображая из себя красотку-южанку, я театрально прижимаю ладонь к груди и восклицаю:

– Ох, и не знаю, что бы я делала без вашей помощи, добрый сэр! Вот уж подсобили так подсобили!

Вообще-то я хотела его насмешить, но Уилл не сводит с

меня серьезного взгляда.

– Что такое?.. – смущенно спрашиваю я.

Он делает шаг ко мне и свободной рукой ласково приподнимает мой подбородок. Я в шоке от собственной реакции: неужели я позволю парню такую фамильярность?! Несколько секунд он молча изучает мое лицо, а у меня сердце так и рвется из груди. Сейчас будет поцелуй?..

Стараюсь дышать ровно и смотреть ему в глаза. Уилл подходит еще ближе, убирает руку с подбородка, кладет ее мне на затылок и, чуть наклонив мою голову к себе, нежно прикасается губами к моему лбу. Постояв так несколько секунд, он отстраняется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.